

ЭММА

Появление книги мемуаров Эммы Герштейн было в сильной степени мотивировано желанием свести счеты. Не зря автор опубликовала ее когда все, кто мог что-то опровергнуть, уже умерли. Книга стала компенсацией за все: за неудачную личную жизнь, за недооцененность, за нереализованные амбиции. В ней достоверно запечатлелась личность автора, и некрасиво исказились образы тех о ком она вспоминает. Мемуары бывают пристрастны. Но почему они так несправедливы?

Конечно, вне зависимости от степени объективности, воспоминания Э.Г. ценные как свидетельство эпохи: в них заключены оценки и воззрения образованного обывателя, оказавшегося рядом с теми, кто эту эпоху формировал одним своим присутствием. Если посмотреть на книгу в целом, то мораль, прочерченная через весь рассказ, проста: Мандельштамы сами виноваты в своей судьбе, потому что не желали быть как все и вели себя вызывающе. Ставя под угрозу тех кто былтише воды и согласен с режимом. А все кто обманывали, обкрадывали, перекрашивались – правы, потому что к тому вынуждала их жизнь.

Наиболее предвзятой, несмотря на видимую документальность, выглядит глава о Рудакове. Болезненно-амбициозный, самовлюбленный, посредственный – Эмма Григорьевна, вероятно, во многом проецировала себя на эту личность. Отсюда может происходить ее понимание и сочувствие не только к нему, но даже к его вороватой вдове, втихую торговавшей впоследствии украденными рукописями. Ведь Рудаков, как и сама Э.Г., тоже хотел бы, да не решился, тоже мог, да не склонился – потому что обстоятельства оказались сильней. А Мандельштамы не желали быть как положено, и они – изгои.

Особая статья – Н.Я. Чувства, испытываемые к ней Эммой Григорьевной, более всего похожи на зависть. Ведь Э.Г. не была слабой. Она тоже была сильной и амбициозной. Как Надя. Но Надя могла плевать на условности, а у Э.Г. всегда были рамки. Наде нечего было терять, а Э.Г. – было. Почему?! Я думаю, что Э.Г. ощущала это как несправедливость. При этом она чувствовала безусловную надину правоту: правоту внутренней свободы. И обречена была жить с этим знанием. В тех рамках, которые она для себя выбрала.

А в Надежде Яковлевне пылал этот сумасшедший пожар, называемый жаждой жизни. Она любила жизнь. Она не боялась любить. Кто из нас может сказать это о себе?

Мандельштамы ужасно смеялись над ней. ЭГ была серьезной и прилежной, она старательно относилась к поэзии и не понимала шуток. Это осталось в мемуарах – в том как она подробно объясняет почему именно у Мандельштамов не могло быть интимных отношений в одной из поездок в Ленинград (кому как не ей это

было известно точно!), в том с каким ужасом пересказывает (рассказать нужно, это ведь важно для литературы!) как ей однажды предложили участвовать в оргии – очевидно, потому что иначе не могли избавиться от ее навязчивого присутствия. Она не притворялась. Просто она была очень серьезна во всем что касалось ее самой. И она искренне не понимала, почему этот противный и легкомысленный юродивый считается гениальным поэтом. Ей это казалось несправедливым.

Там много передергиваний, в ее мемуарах. И много нечистоплотности. Не со зла. С простой обывательской небрезгливости. Она называла книгу Н.Я. разнужданной? Ее книгу можно назвать грязной.

*Холодная весна. Бесхлебный, робкий Крым,
Как был при Врангеле, такой же виноватый.
Колючки на земле, на рубищах заплаты,
Такой же кисленький, кусающийся дым.
Все так же хороша рассеянная даль,
Деревья, почками набухшие на малость,
Стоят, как пришлиые, и вызывает жалость
Пасхальной глупостью украшенный миндаль.
Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украины и Кубани --
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца...*

Эта редакция стиха восстановлена Эммой Герштейн.
Теперь ее можно простить?

* * *

Возможно впрочем что Э.Г. и Рудакова связывало на столько сходство философии, сколько место службы. Оба, невзирая на личную неприязнь, раздражение и неудовольствие, интенсивно общались с Мандельштамами – несмотря даже на угрозу их личной безопасности, которую очевидно влекли такого рода контакты. На чем основывалась эта странная дружба, из мемуаров неясно.

Сергей Рудаков вроде бы собирался писать о Мандельштаме книгу – для чего подбирал каждую вышедшую из-под его пера бумажку, выклянчивал рукописи и вел подробнейшие записи всех разговоров. Все эти заметки разумеется пропали без следа, но дело даже не в том. Сама идея написания монографии об опальном поэте, сосланном завольнодумство, в разгар репрессий, репрессированным сыном белого генерала, жаждущим вернуться к обычной жизни – выглядит довольно абсурдной. Рудаков не производит впечатления отчаянного смельчака, готового жертвовать жизнью во имя высоких целей. Из описания Э.Г. он напротив выглядит как человек несмелый, слабый, с уязвленным самолюбием, отчаянно мечтающий реабилитироваться.

Да и сама Э.Г., дочь очень благополучного московского доктора, успешно продолжавшего практику среди высокопоставленной советской клиентуры, вольнодумством не отличалась. Ей было что терять. Однако амбициозная лермонтоведка неотступно следовала за Мандельштамами повсюду, под предлогом дружбы и горячего интереса к литературе. С кем же она дружила? С О.Э.? Маловероятно. Стихи О.Э. восхищения у нее не вызывали. Она пишет о них с отстраненностью препаратора, и если и пытается интерпретировать что-то, то исключительно в личных интересах. С Наденькой? Наденьку она ненавидела. Чего стоит один разбор стиха о семипалой неправде. Дружба волшебным образом прекратилась сразу после гибели О.Э. – свой крестный путь по просторам родины чудесной Н.Я. проходила уже без этой внимательной спутницы.

Блатные таких называли смотрящими. Лубянского наименования не знаю. Их всегда двое. Не потому ли Э.Г. так долго медлила с публикацией своей книги, что опасалась быть разоблаченной? Но она должна была написать, без этого ее жизнь не была бы исполненной. Книга стала оправданием и объяснением зла, причиненного ею Мандельштамам. Совершая низости, люди часто извиняют себя тем что их жертвы настоящие мерзавцы, и вполне заслужили свою участь. Они считают себя орудием справедливого возмездия.

Бездарность мстительна и многорука.